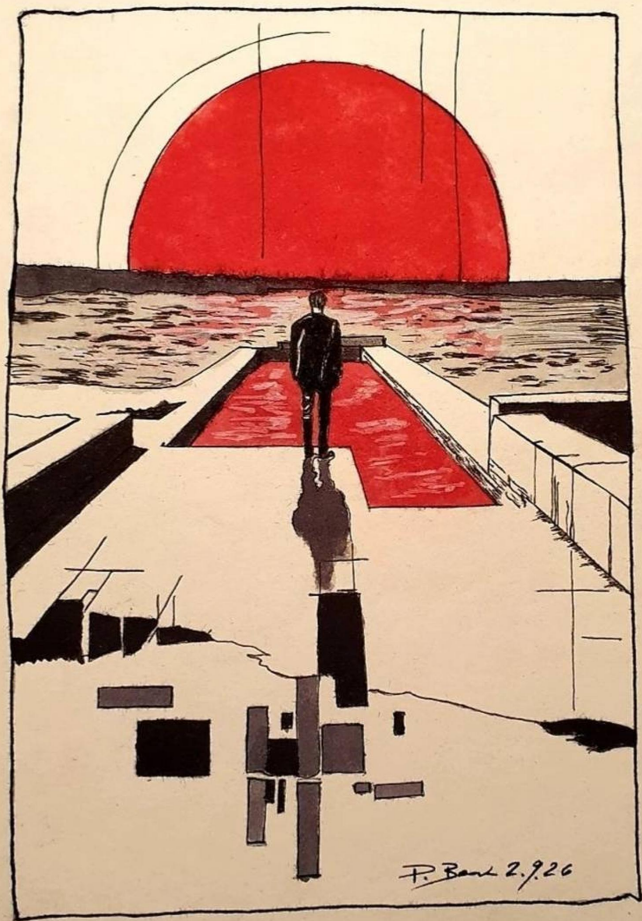

КНИГА ДВОРА

Миша Элли

Книга двора

<https://litres.ru/74651158>

SelfPub; 2026

Аннотация

Бенджамин руководит проектами в Bosch. Он планирует процессы, а не людей, и подписывает, не читая. В последнюю пятницу октября он выезжает без цели, в сторону Швейцарии. За Ротристом мотор начинает стучать, а на въезде в Геуензее машина останавливается. Запчасть придёт из Берна. Она придёт, когда Берн захочет.

В трактире «Цум Хиршен» сидит женщина с книгой. Над дверью старой мельницы Бенджамин находит знак, который в детстве рисовал на полях тетрадей, не зная, откуда он. А на склоне двадцать лет его ждёт человек, который ведёт книгу, куда попадает только то, что должно остаться. И тот, кто ушёл.

Тихая, тёплая повесть о древнем правиле, о человеке, который научился ничего не чувствовать, и о вопросе, кому труднее: тому, кто уходит, или тому, кто остаётся.

Содержание

Глава 1. Котёл	5
Глава 2. Вывеска	11
Глава 3. Дом Бальтазара	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Миша Элли

Книга двора

Миша Элли

Книга двора

повесть

© 2026 Миша Элли. Все права защищены.

Глава 1. Котёл

Штутгарт лежит в котловине. Кто прожил здесь достаточно долго, начинает думать, что весь мир устроен так же: наверху виноградники, внизу город, а между ними лестницы. Их называют Stäffele. За двенадцать лет я протоптал свою: от парковки на Хазенбергштрассе до двери квартиры. Сто сорок семь ступеней. Я их не считал. Тело считает само.

Квартира была на четвёртом этаже, в доме по стандарту Passivhaus. Белые стены, ни одного радиатора, воздух, который обновляется где-то внутри стены и ничем не пахнет. Я руковожу проектами в Bosch. Моя работа в том, чтобы заказ ушёл, деталь пришла и никто не заметил, как это сделано. Хорошая система не показывает, что она работает. Мне хотелось, чтобы моя жизнь шла так же.

Была последняя пятница октября, тридцатое. Небо лежало на крышах. Напротив, на четвёртом этаже, соседка поливала герань. Под таким небом, в конце октября.

Она поливала её так, как поливают то, что не хотят отпускать.

Я стоял у окна с остывшим кофе и вдруг понял, что если не уеду сейчас, то не уеду никогда. Цели не было. Швейцария, озёра, горы, отель на каждую ночь, без таблиц и без расписания. Для человека, у которого даже отпуск был строкой в плане, это выглядело почти как бунт.

Машины я называл «ласочкой». Audi A6 Avant, серый металл, шесть лет, сто двадцать тысяч километров, сервисная книжка без пропусков. Я любил её, как менеджеры любят надёжный механизм: без чувств, но с уважением. В багажник лёг чемодан. Тёмный пиджак я повесил за сиденьем. Пальто бросил назад: серое, длинное, с Кёнигштрассе. Продавец тогда сказал: «Это пальто для человека, который не хочет, чтобы его замечали». Я кивнул и купил. Теперь думаю, что он был психологом, а не продавцом.

Телефон лёг на панель. Три пропущенных от брата. Маркус звонил так редко, что три звонка подряд означали что-то. Я не перезвонил. Я сказал себе: потом. Это слово я произносил особенно часто, когда дело касалось Маркуса. В почте с понедельника лежало его письмо с вложением: что-то про родительский дом в Пфальце, «посмотри и подпиши». Я не открыл.

За Карлсруэ дорога пошла на юг вдоль Рейна. Справа тёмный Шварцвальд, слева серая равнина. Между Баден-Баденом и Фрайбургом с поля поднялась стая ворон, повисела секунду и села обратно, будто кто-то дёрнул нить. Я подумал, что так передаётся сигнал в хорошей системе. И удивился: давно я не думал о красоте.

У Базеля вышло солнце, слабое, но настоящее. На границе я лишь сбавил ход. Виньетка стоит сорок франков. Швейцария умеет брать деньги так, что это не обижает.

Потом началась А2. Швейцарские дороги идеальны, это

все говорят. Асфальт без заплат, разметка по линейке, ограждения цвета, который не отвлекает. Страна старается быть незаметной, чтобы не мешать тебе думать. На склонах дома с красными крышами. У каждого дрова, сложенные так аккуратно, что они кажутся частью архитектуры. Я ехал и думал, что в такой стране даже беспорядок, наверное, лежит по алфавиту.

Проплыли указатели: Ольтен, Ротрист. Потом синий щит: Luzern, Gotthard, Chiasso.

Звук я принял за камешек в днище. Щелчок, второй, потом ровный стук, который быстро учащался. Стрелка температуры поползла вправо. Загорелась красная лампа в форме термометра, следом жёлтая, с восклицательным знаком.

Я не паникёр. Менеджер проектов знает: у любой системы есть предел, и рядом с ним нельзя делать резких движений. Я перестроился, сбросил скорость. Навигатор показал ближайший гараж, не в городе, а в деревне. Я съехал с автобана и проехал ещё несколько километров. Машина встала на въезде в деревню, у каменного столба с названием: Geuensee.

Я заглушил мотор. Стало тихо. Не пусто, а именно тихо, как бывает, когда рядом дышит что-то огромное. Потом где-то далеко пробил колокол.

Из-под капота шёл пар тонкой струёй. Расширительный бачок был пуст. По мокрому следу я нашёл трещину в патрубке, с ноготь, там, где шланг входит в радиатор. Не катастрофа. Но ехать с ней нельзя.

Женщина из службы помощи говорила с мягким швейцарским выговором, в котором каждое слово как будто поднимается из колодца.

— Эвакуатор будет через полчаса. Гараж в Геуензее закрывается в шесть. Деталь нужно привезти из Берна.

— Когда ремонт?

— В понедельник.

В понедельник. Была пятница.

Эвакуатор пришёл вовремя. Водитель, лет пятидесяти, с вежливым равнодушием на лице, поднял мою машину за три минуты и не сказал ни слова. Я сел рядом в кабину. Деревня открывалась медленно: низкие коричневые крыши, белые стены с тёмными балками, над каждой дверью подкова или засохший венок. Над ними поднимался церковный шпиль, тонкий, как карандаш.

Не знаю почему, но при виде шпиля у меня заныло в груди. Не больно. Так бывает, когда в чужом городе вдруг слышишь знакомую мелодию. Я не мог вспомнить, какую. Раньше я здесь не бывал: я бы знал. Моя семья вся из Пфальца.

— Гостиница тут есть? — спросил я.

Водитель помолчал так долго, что я решил: он не расслышал.

— Одна, — выдавил он наконец. — «Zum Hirschen». Другой нет. Если честно, она и одна-то не всегда есть.

— Как это?

— Увидите.

Он высадил меня у двери с деревянной вывеской, где было выжжено: «Zum Hirschen», «У оленя». Уехал, не оглянувшись, и мою машину повёз с собой, как больного. Я остался на тротуаре с чемоданом и пальто через руку. Пахло дымом и мокрой листвой. Мимо проехал велосипедист в светоотражающем жилете и кивнул мне, как знакомому.

В холле стояла женщина лет сорока, гладко зачёсанная, в тяжёлых серебряных серьгах. Она вытирала стойку, но так, будто это был способ рассматривать гостя.

— Номер есть? — спросил я.

— Есть. — Она оглядела меня с ног до головы, как оглядывают хлеб, прежде чем купить. — Маргрит. Номер на втором этаже, окна во двор, девяносто франков. Завтрак с семи до девяти, но если придёте в десять, я сделаю вид, что не заметила.

— Бенджамин. Торговаться не стану.

— И не надо, — улыбнулась она. — Таких у нас любят.

Номер был крошечный и тёплый. Деревянная кровать, белое бельё, занавеска в красную клетку, под окном батарея, которая тихо щёлкала, будто ей было что сказать. На стене висела гравюра: церковь с одним шпилем, подписанная от руки. Я долго смотрел на неё. Потом отвернулся.

Снизу доносились звуки. Шлепок карты, короткое слово на диалекте, смех. Пахло чем-то печёным и сладковатым. Мне вдруг стало слишком тихо, как бывает человеку, который привык к шуму. Я спустился.

Вход в бар был в подвале. Шесть ступеней, каждая стёрта посередине до тёмной ложбинки, как стираются только те, по которым ходили не годы, а поколения. Низкий сводчатый потолок, но тесноты не было. Комната принимала тебя, как принимает тёплая ладонь. В углу печь, зелёная, кафельная, с оленем на плитках. Трое стариков играли в карты, не глядя на меня. Самый старей, с лицом, как кора дуба, и огромными красными руками, держал карты у груди, будто ими прикрывался.

— Grüezi, — отозвалась Маргрит из-за стойки. Она уже была там. Я не заметил, как она перешла.

Слово прозвучало здесь как часть обстановки, как печь, как фотографии на стенах: мужчины в чёрных сюртуках, пожар, шествие, снова пожар. Я выбрал столик у окна, откуда видны были только ноги прохожих. Маргрит принесла меню на картонной карточке, написанное от руки.

— Chügelipastete, — заключила она. — Берите. Всё остальное можно найти и в Штутгарте.

— Откуда вы знаете, что я из Штутгарта?

— По пальто.

Дальше я помню плохо. Помню только, что в углу у печи сидела женщина с книгой, и что лампа освещала её руку на странице, а лицо оставалось в тени. Я отвёл глаза. И посмотрел снова.

Она подняла голову.

Глава 2. Вывеска

— Вы замёрзли, — сказала она.

Голос оказался именно таким, каким я его знал: низкий, чуть хрипловатый, с мягкими гласными. Говорила она на литературном немецком, но чистом, почти книжном, как в старых радиоспектаклях. Некоторые слова звучали чуть иначе, чем принято теперь, и от этого речь казалась старше её самой.

— Простите?

— Вы вошли, и вас трясло. — Она кивнула на мои руки.
— Здесь тепло, но озноб остаётся надолго. Это от дороги. Ваша машина стоит у въезда, правда?

Я посмотрел на свои руки. Они действительно дрожали. Я не заметил.

— Откуда вы знаете про машину?

— Эвакуатор проехал мимо моего окна два часа назад. У нас не так много событий, чтобы такое пропустить.

Разумное объяснение. Я кивнул. Она закрыла книгу, заложив страницу засушенным листом, и показала на свободный стул:

— Здесь свободно.

Не «садитесь». Просто «здесь свободно», будто держала этот стул для меня и теперь сообщала, что можно.

Я сел. Она была красива, но не так, как бывают красивы

женщины в офисе или в журналах. Её красота была как климат: сначала не замечаешь, потом не можешь без неё обходиться. Длинное лицо, высокие скулы, матовая кожа, будто слегка присыпанная мукой. Серые глаза с зеленоватой каймой, глаза человека, привыкшего долго смотреть на воду. Тёмные волосы в тяжёлом узле. Тёмно-зелёная шерстяная юбка, вязаная кофта, на груди серебряная брошь в форме листа. Серый плащ с капюшоном на спинке стула.

Одета она была просто, и так, как сейчас не одеваются.

Маргрит принесла мне тарелку и кружку и задержалась, переводя взгляд с меня на женщину и обратно. Не удивление. Скорее узнавание, как если бы она увидела то, что ждала.

— Eichhof, — Маргрит поставила кружку. — Принесла без вопроса. Вы всё равно сказали бы «что посоветуете».

— Я бы так и сказал.

— Вот видите. — Она посмотрела на Клару. — Тебе повторить?

— Мне хватит.

— Тебе всегда хватает, — вздохнула Маргрит и ушла.

Я ел молча. Chügelipastete оказалась слоёным шаром, который надо разломить ложкой, и оттуда вырывается пар: тушёное мясо, грибы, чуть мускатного ореха. Женщина смотрела в окно, на ноги прохожих.

— Вы не спрашиваете, как меня зовут.

— Не хотел быть навязчивым.

— Клара.

— Бенджамин.

Она повторила моё имя медленно, как пробуют вино.

— Бенджамин. Младший сын. Так переводится, вы знали?
«Сын правой руки». Любимый сын, но младший.

— Я не знал. Мне казалось, это просто красивое имя.

— Красивое тоже, — согласилась она.

Мы замолчали. Это была тишина двух людей, которым не нужно говорить, чтобы понимать друг друга. В печи треснуло полено. Старик с красными руками выложил карту, уса-тый пробормотал что-то и бросил свои на стол, третий за-смеялся низким хриплым смехом.

— Вы в отпуске? — спросила Клара.

— Еду по стране. Без плана.

— Без плана, — повторила она. — Вы похожи на челове-ка, у которого план есть даже на случай отсутствия плана.

Я рассмеялся. Первый раз за день, и в этом смехе не было ни капли вежливости.

— Руковожу проектами. Профессиональная деформация. А машина вот сломалась, патрубков. В понедельник привезут деталь.

— Тогда вы остаётесь. На несколько дней.

Не вопрос. Констатация. Я хотел возразить, что у меня маршрут и отели, но слова не шли. Я вдруг понял, что не хочу уезжать. Не из этой комнаты, не от этого стола.

— Видимо, да.

В её серых глазах мелькнуло что-то, чего я не смог прочесть: облегчение или печаль, а может, и то и другое.

— Завтра в десять, у церкви, — предложила она. — Я покажу вам деревню. Ночью она слишком похожа на то, чем была.

— А чем она была?

— Увидите. Но не сегодня.

Игра закончилась. Старики стали расходиться, кивая Маргрит. Старик с красными руками, проходя мимо нашего столика, остановился и сказал Кларе что-то негромко на диалекте. Она ответила одним словом. Он кивнул, как кивают, получив подтверждение.

— Что он сказал?

— Что завтра ноябрь. Одиннадцатого у нас праздник, на святого Мартина. Он спросил, останусь ли я. Я сказала, что останусь.

— Какой праздник?

— Гусь. Я расскажу вам потом. Это старая история. Вам не понравится.

— Почему?

— В ней много крови и мало смысла. Как во всех старых историях.

Она встала, накинула плащ, поправила брошь. В этом движении было что-то настолько знакомое, что у меня зашлось сердце.

— Спокойной ночи, Бенджамин.

Дверь тихо закрылась за ней, впуслав на секунду холодный воздух, пахнувший дымом и мокрой листвоу.

Ночью я проснулся от звука. Скребуший, ровный, как будто по двору тащили мешок. Шаги под окном, неторопливые, тяжёлые. Я хотел встать и посмотреть, но глаза не открывались. Потом всё стихло.

Утром на пороге комнаты лежала чёрная пыль, тонкая, как сажа.

Я долго смотрел на неё. Потом подумал: печь. Здесь топят углём. Я перешагнул через пыль и спустился вниз.

Маргрит ставила на стол кофе и хлеб. Было без двадцати десять.

— Спали? — спросила она, не поднимая глаз.

— Плохо. Всю ночь кто-то таскал по двору мешок.

Она не удивилась. Только на секунду задержала руку над чашкой.

— Бывает. В ноябре у нас по ночам шумно. Мёд будете?

— И, не дожидаясь ответа, придвинула баночку. — Клара уже у церкви. Она ждёт с девяти. Не говорите ей, что я сказала.

Я взял хлеб с собой.

Церковь стояла на небольшом возвышении, белая, строгая, с одним высоким шпилем. На нижней ступени крыльца сидел человек в сером, выцветшем до цвета золы пальто, с мешком у ног. Лица я не разглядел: он смотрел в землю. Две женщины с корзинами прошли мимо, не поворачивая голо-

вы, и одна из них, не останавливаясь, положила на ступень что-то завёрнутое в салфетку.

Клара ждала наверху, у самых дверей, в сером плаще, с откинутым капюшоном. Щёки порозовели от холода. Мимо человека на ступенях она смотрела так, как смотрят мимо стены.

— Вы пришли раньше, — заметила она.

— Я пришёл вовремя.

— Раньше, — повторила она с лёгкой улыбкой. Я посмотрел на часы: без десяти десять.

Она повела меня по деревне. Быстро, уверенно, не оглядываясь. Мы шли мимо тесных дворов, где в загонах переминались коровы и пахло навозом, сеном и тёплым молоком. Мимо старика на скамье, который чинил корзину и поднял на нас глаза без любопытства. Над одной дверью в балке был вырезан год: 1729.

— Тогда записали, сколько в деревне дворов с правом на землю, — пояснила Клара. — Пятьдесят девять. Право получал один сын. Остальные получали благословение и дорогу.

Она произнесла это без выражения, как называют цену на рынке.

— И куда они шли?

— В солдаты. В монастырь. На юг, на север. Некоторые возвращались. Большинство нет.

— Вы говорите так, будто знали их лично.

— Я много читала, — бросила Клара, не обернувшись.

Мы вышли к реке. Неширокая, метров десять, тёмная, неторопливая. На ивах висели жёлтые листья и срывались, плыли по воде, как маленькие лодки.

— Зур, — назвала она реку. — Раньше на ней стояло много мельниц. Остались две. Идёмте.

Мельница стояла на повороте реки, там, где вода замедляется и собирается в широкую заводь. Я увидел колесо: огромное, деревянное, почерневшее, наполовину в воде, неподвижное. За ним двухэтажное здание, каменное внизу, деревянное вверху, с крутой тёмной крышей.

Над входом на балке было вырезано число: 1587. Ниже знак. Вертикальная черта, от неё две косые, внизу короткая перекладина. Птичья лапа.

Я остановился.

Этот знак я знал. Знал, как знают собственную подпись. В детстве, лет в десять, я рисовал его на полях тетрадей, на обложках учебников, на запотевшем стекле автобуса. Никто меня не учил. Рука выводила сама. Родители считали это причудой, учителя ругали за пятна. В двадцать лет я перестал. В тридцать забыл, что когда-то это делал.

— Вы побледнели, — Клара смотрела на меня внимательно.

— Этот знак. Я его рисовал. В детстве. Много раз.

— Это знак мельницы, — ответила она спокойно, почти ласково. — Его ставили вместо подписи те, кто не умел писать. В нашей деревне его знают все.

— Но я не отсюда.

— Да, — согласилась она. — Я знаю.

Я чувствовал, как уходит почва. Не страх. Так бывает в детстве, когда бежишь по льду и вдруг слышишь под ногами тихий протяжный звук. Лёд ещё держит. Но ты уже знаешь, что может не удержать.

Внутри мельница пахла мукой, старым деревом и мышами. Огромные валы, деревянные шестерни, жернова с глубокими бороздами. Пыль плыла в узких лучах и казалась золотой. На стене висела доска с выжженной надписью: «Wer zuerst kommt, mahlt zuerst». Кто первым пришёл, тот первым и мелет.

— Эта поговорка подошла бы для моего офиса, — пошутил я.

— Она подходит для всего.

Клара остановилась у самого большого жёрнова и положила на него ладонь. Привычно, как гладят бок знакомой лошади.

— Здесь работал один человек. Он приходил на рассвете, зажигал фонарь и ждал, пока вода наберёт силу. Он не был хозяином. Хозяин жил наверху, в тёплом доме, и не спускался. Этот человек молол чужое зерно, брал свою долю, одну мерку из десяти, и каждый вечер уходил по этой дороге, вдоль реки, в тумане.

— Откуда вы знаете?

— Читала.

Она повернулась, и я увидел в её глазах усталость. Не телесную. Как у человека, который слишком долго несёт тяжёлую ношу и не может её поставить, потому что некуда.

— Бенджамин. Я не хочу вас обманывать. Но и всё сказать сразу не могу. Вы мне верите?

— Я вас не знаю.

— Нет, — покачала головой Клара. — Но я хотела бы, чтобы знали.

Она шагнула ко мне. Я не отступил. Её ладонь легла мне на щёку: холодная от камня, но под холодом чувствовалось тепло.

— Вы замёрзли, — сказала она, и губы её дрогнули.

Я поцеловал её.

Не помню, кто шагнул первым. Помню запах её волос, мокрой шерсти и дыма, вкус холодных и сладких губ, скрип дерева над головой. Время остановилось и пошло быстрее, как бывает, когда падаешь в сон.

Мы стояли, прижавшись лбами, и дышали в одном ритме.

— В воскресенье вы пойдёте со мной к моему отцу, — прошептала она.

— К отцу?

— Он хочет вас видеть. Он ждал вас очень долго.

— Он же меня не знает.

— Знает. — Она отвела глаза. — Лучше, чем вы сами.

Глава 3. Дом Бальтазара

Телефон лежал на тумбочке. Три пропущенных от Маркуса и неп прочитанное письмо. Я набрал: «Позвоню завтра». Подумал и стёр слово «завтра». Отправил так: «Позвоню».

Утром Клара ждала внизу, на кухне Маргрит, где пахло кофе и тостами. Она сидела у окна в шерстяной кофте и читала. Маргрит стояла у плиты с видом человека, который ничего не слышит.

— Доброе утро, — поздоровался я.

— Ага, — ответила Маргрит плите. — Яйца будете или вам теперь не до яиц?

Клара подняла глаза и улыбнулась так, что я на секунду забыл, зачем пришёл.

— Мы едем к отцу, — объявила она. — Вещи можно взять.

— Мне казалось, я иду на обед.

— Обед будет, — подтвердила Маргрит, не оборачиваясь. — И ужин. И завтрак, если повезёт. Берите носки.

— Вы можете отказаться, — спокойно заметила Клара. — Я не стану настаивать.

Я хотел возразить. Что у меня номер, что машина, что чемодан. Но слова вдруг стали такими же далёкими, как вчерашние звонки, и я кивнул.

Машина у неё была старая, тёмно-зелёный Land Rover, по-

трёпаный, с продавленным сиденьем и запахом сырой шерсти и сена. Она вела, не глядя на приборы, как водят те, кто знает дорогу телом. На поворотах находила мою руку на сиденье, сжимала на секунду и отпускала, словно проверяла, на месте ли я. От её волос пахло дымом, яблоками и чем-то прохладным, озёрным, как мокрый камень на берегу.

Мы проехали мимо кладбища. Было воскресенье, первое ноября, День всех святых: за низкой оградой горели сотни красных огоньков, и люди в чёрном стояли между рядами так тихо, что казалось, свечи горят сами.

У последнего дома, на обочине, сидел тот же человек в сером пальто, с мешком между колен. Клара не повернула головы. Я оглянулся: он смотрел нам вслед, не шевелясь, как смотрят на уходящий автобус.

Мы поднялись на гребень. Внизу открылась долина: пашни, луга, перелески, а далеко за ними полоска озера. Бледное солнце красило поля в цвет старой меди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.